

Е.Ю. МУРАТОВА

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ ЗВУКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ В РУССКОЙ ПОЭТИЧЕСКОЙ РЕЧИ XX в.

Доказывается, что в поэтических текстах предложение и словосочетание могут выступать в функции слова; служебные части речи либо переходят в знаменательные, либо становятся частью нового слова; предложно-падежные сочетания оказываются способными превращаться в слова и выполнять в тексте номинативные функции.

In the article the author proves, that in poetic texts a sentence and a word-group using hyphen or ellipsis can perform the function of a word; syntactic words are transformed in content ones or become part of a new word; morphemes are transformed in content words, and as a result they can function in poetic texts as epithets; combination of prepositions and case forms are able to create words and fulfill nominative functions.

Любой естественный язык является, с одной стороны, стабильной функционирующей системой, с другой – системой изменяющейся, динамической. «В любом языке заложен внутренний стимул к спонтанному развитию. Основой его является наличие внутренних противоречий в самой природе языка как определенным образом организованной субстанции, обладающей коммуникативными функциями. Характер внутренних противоречий во всех случаях отражает несовершенство отдельных уровней языка, ущербность ее организационной системы. Эти несовершенства, не нарушая заметным образом общего равновесия языка как коммуникативно-приспособленного механизма, являются первопричиной динамических изменений, происходящих в нем при определенных условиях. К их числу относится в первую очередь феномен вариативности структурных элементов языка и их реализаций, наблюдаемых на всех ярусах, затем ущербность

парадигм и систем оппозиций, образуемых ими и др.» (Туманян 1999, 88).

Для XX в. характерна общая тенденция к словотворчеству в разных языках, но особенно активно – в русском. Интенсивность создания новых слов в XX в. В.Г. Гак справедливо назвал «неологическим бумом» (Гак 1978, 37). Именно индивидуальное словообразование во всех сферах языковой деятельности (детская речь, диалекты, разговорный стиль, художественные тексты) демонстрирует, что слово является не статической, а динамической языковой единицей (см. Сахарный 1980).

Общие тенденции, присущие естественному языку, наиболее ярко проявляются в поэзии. Поэтический язык – это язык особого рода. Как отмечает В.П. Григорьев, «“метagalактика” поэтического языка предстает как сложная иерархия всех известных подсистем национального языка в его творческом аспекте... Поэзия нужна не как демонстрация норм литературного языка, а для

проникновения в особо важное, сложное и неясное для человека, в то, что иными средствами, чем средства поэтического языка, и не может быть полноценно названо» (Григорьев 1979, 63, 66).

Поэтический язык XX в. заметно отличается от поэзии XIX в. Ю.Н. Тынянов писал: «...стремительность смен... жестокость борьбы и быстрота падений – темп нашего века. XIX в. был медленнее» (Тынянов 2004, 169). Если поэзия XIX в. была в первую очередь дедуктивной, жанровой, то в XX в. она становится индуктивной. «Там поэтический язык лишь продолжал обычный, надстраиваясь над ним добавочным слоем выразительных средств – здесь поэтический язык противопоставляется обычному, вторгаясь в него иной структурой выразительных средств» (Гаспаров 1986, 191).

В творчестве многих поэтов XX в., например О. Мандельштама, В. Маяковского, М. Цветаевой, А. Белого, В. Хлебникова, Б. Пастернака, И. Бродского, А. Вознесенского, Е. Евтушенко, Б. Ахмадулиной, язык стал изображаемым явлением, предметом пристального внимания и творческого преобразования. Поэтический язык стал реализовываться как сложная, часто экзистенциальная форма отражения действительности и самовыражения творящего сознания.

Словотворчество разнообразно в своих языковых проявлениях, поскольку потенциальные возможности языка представляются неограниченными даже в рамках системной заданности. Значение языковой единицы является сложным речемыслительным образованием, в состав которого входят определенным образом структурированные семантические компоненты. Отношения между компонентами языковой единицы не статичны, они носят характер динамического взаимодействия, предполагающего варьирование словесного знака в целом или отдельных его сторон.

Динамичность и открытость языковой системы определяет существование пограничных грамматических явлений, которые проявляются в падежной полисемии; в сочетаниях типа *путь-дорога*, *жар-птица*, *хлеб-соль*; в формах, поддающихся грамматической трансформации, и т. д. Одним из активных способов реализации ретроспективных и перспективных языковых потенций является лексикализация, т. е. превращение в определенных поэтических контекстах отдельных звуков, комплексов звуков, морфем, сочетаний слов, предположно-падежных сочетаний в знаменательные слова.

Остановимся на некоторых аспектах этого явления. Свообразным и активным художественным приемом является членение слова, которое может выполнять разные художественные задачи. Характерным примером «наполнения» слова живым звуком является стихотворение М. Цветаевой «Провода» (см. Цветаева 1995 II, 174), само название которого дает объяснение насыщенности им подобными формами с повтором

отдельных звуков: *По аллее // Вздохом – проволоккой к столбу – // Телеграфное: лю-ю-блю... // Телеграфное: про-о-щай... // Глотки сорванной: про-о-стите... // Выше, выше – и слылись // В Ариаднино: ве-ер-нись... // Заклинающее: жа-аль... // Через насыпи – и-рвы // Эвридикино: у-у-вы, // Не у –*

В данных строчках вставка тире сочетается с деформацией графического облика слова путем повтора аллографов, т. е. созданием графонов (*лю-ю-блю*, *про-о-щай*, *у-у-вы*) для передачи протяжного произношения. Стихотворение имеет нестандартную конечную форму *Не у –*, которая представляет, на наш взгляд, оборванное, незаконченное слово. Цветаева, видимо, не находит в языке адекватного вербального выражения такой концентрации эмоции и использует более сильный прием – значимой недоговоренности, умолчания, давая возможность читателю самому «домыслить» стихотворение. «Имплицитное содержание высказывания, – полагает Хоанг Фэ, – практически не имеет пределов и ничем не ограничено. В поисках имплицитного содержания высказывания каждый слушающий может проводить внутренний диалог каким-то своим, отличным от других способом, но всегда с учетом эксплицитного содержания...» (Хоанг Фэ 1985, 399).

Слово может получать дополнительные смыслы за счет употребления разделительного дефиса в позиции синтаксического переноса. Например: «*Раз- // облаченная Исида*» // *Томится в смутных облаках* (Лысов 2004, 90). За счет именно такой формы и окружающего контекста в лексеме *раз- // облаченная* одновременно проявляются несколько значений: 1) антонимичные – *разоблаченная (снявшая облачение)* и *облаченная (надевшая облачение)*; 2) *разоблаченная – уличенная в тайных замыслах, действиях и т. п.*; 3) *облаченная – парящая в облаках*. В итоге часть слова реализует семантику и части слова *разоблаченный*, и автономного слова *облаченный*.

Аналогичный прием наблюдается у А. Вознесенского: *И гекз – // аметры слышны в речах: На Джоконде усы Сервантеса. // Превративши нули в рули, // наши новые консерваторы...* Форма *гекз – // аметры* (причем не с дефисом, а с тире), актуализированная синтаксическим переносом, реализует сему абсурда (*аметры*), который и описывается в последующих строках (см. Вознесенский 2007, 210).

Иной тип лексикализации наблюдается в стихотворении А. Вознесенского «Лесной регтайм» (см. Вознесенский 2007, 306–307): *Ку-ку – // Миную Времени реку – ку-ку-ку-ку- // Читаю ли Матфея и Луку. // ку-ку-ку-ку-ку-ку- // укушенный собаками бегу – // тебе не прозвонюшь через Москву – // ку-ку-ку-ку-ку-ку-ку- // лишь состраданье неба привлеку, // Что клен приставив пятерней к виску. // помахивая мне, как дуррачку. // Меня диагностирует: // «ку-ку!».*

// Мы все – «ку-ку» – внизу, хоть наверху // Кухарка, слей чеченскую уху! – // ку-ку-ку-ку- ушу или Ду Фу – // чужие яйца отыщи в шкафу – // ку-кареку! – ку-ку-ку-ку- из ху? // Куда? Отку... Откупорь бутыл-ку... // Прейску-иску-я рашен обеску... // Ку-ку-ку-ку- – подобно пузырьку, // Не капай нам всемирную тоску, // Оккультная пичужка на суку!..

Лишь в небе в акустическом цеху // Курехин оборвет свою строку – ку...

В данном стихотворении узуальное звукоподражание ку-ку является лишь формой, «оболочкой», содержащей самые разнообразные смыслы: быстротекущее время человеческой жизни (*минуя Времени реку*), впечатления от чтения Евангелия (*читаю ли Матфея и Луку*), гудки в трубке телефона (*тебе не прозвонюсь через Москву*), душевное состояние (*меня диагностирует: «ку-ку»*), некоторая ненормальность современного человека (*мы все – «ку-ку»*), противопоставление «чужого» (*кукареку*) и «своего» (*ку-ку*) с последующим желанием понять – ты кто? (*из ху?*), человеческое творчество (*Курехин оборвет свою строку – ку...*). Кроме того, игра частями полноценных слов, содержащих слог -ку-, представляет собой некое зашифрованное высказывание: *Куда? Отку... Откупорь бутыл – ку... // Прейску – иску-я рашен обеску...* С одной стороны, перед нами то же ку-ку-ку-ку, что в предыдущих строках, но с другой – в них эксплицируется дополнительный смысл: *откуда, откупорь, прейскуронт, искушение, обескуражен*. Концентрация форм ку-ку-, особый контекст, наполняющий звукоподражание значением, их смысловая и композиционная роль в стихотворении показывают, что перед нами явление лексикализации, в данном случае – превращение звукоподражания в полнозначное слово.

Возникает вопрос: зачем А. Вознесенский реализует именно такой прием словотворчества, какую художественную задачу он при этом решает? Очевидно, через такую семантическую трансформацию звукоподражания поэт хочет передать серьезный философский смысл: часто слова – бессмысленны, они лишь оболочка, прикрывающая наши желания, стремления, привычки, слабости, обыденность жизни. *Ку-ку* – как некий символ поверхности и жизненного глянца. Многого в жизни не требует слов, а требует молчания, внимательного взгляда, глубокой мысли; вокруг слишком много пустых, ненужных, ни к чему не обязывающих слов; наш мир часто задыхается именно в – ку-ку-, которое одновременно олицетворяет и одиночество человека в мире: его зов, его собственное зовущее ку-ку- часто не слышит никто.

Такие глубинные смыслы обычными языковыми средствами передать невозможно. Трансцендентные содержания в обычных условиях «не могут быть ни осмыслены человеком в их целостности, ни выражены средствами естественного языка. Но они могут быть воссозданы как совокупности определяемых у них содержательных характеристик» (Берестнев 2007, xxiii).

По убеждению Л. Витгенштейна, трансцендентная область составляет глубинное содержание всего, о чем можно сказать. Л. Витгенштейн также подчеркивал необходимость обращения к неэксплицированным смыслам, поскольку акт говорения представляет собой нерасторжимое единство выраженного и подразумеваемого (см. Витгенштейн 1994).

Данное стихотворение А. Вознесенского является, на наш взгляд, яркой иллюстрацией того, что поэзия представляет собой ту область творческой деятельности человека, посредством которой он получает возможность хотя бы отчасти «проникнуть» в область трансцендентности; расширяет и изменяет свое обыденное сознание, в котором логическая непротиворечивость имеет ранг фундаментального принципа.

В современной поэзии наблюдаются «превращения» в отдельные слова предположно-падежных сочетаний. В качестве примера приведем несколько стержневых строк из стихотворения А. Левина (см. Левин 1995, 39): *Вот шагает мальчик с папкой, // видно, будущий художник... // А за с папкой – мальчик с кубком, футболист, надежда школы... // А за с кубком – мальчик в шапке... // А за в шапке – мальчик с ручкой... // А за с ручкой – мальчик с ранцем...* В таком контексте перед нами не предположно-падежные сочетания, а автономные лексемы: косвенные падежи существительных, соединяясь с предлогами, образуют понятия и выполняют в тексте номинативную функцию. Более того, предположно-падежные сочетания такого типа иногда получают возможность склоняться, сохраняя звуковой комплекс, который был свойствен одному из падежей: *...о страшная музыка мрака // тебя ль устрашила Хирам // не ты ли скользнула измраком // зеркальной змеей зодиака*. Или: *Справляли заутренню сквозь-сном весной* (Ровнер 1992, 86).

В лирике встречаются существительные, одна из частей которых в узуальном употреблении представляет собой словосочетание, предложение, ряд однородных членов: *Спорый бог, // Скорый бог, // Шпоры в бок-бог! // Черный бог, // Ворон-бог, // Полночь-бьет-бог. // Конный бог, // Сонный бог, // Ломом в лоб-бог!.. // Взлет, всплеск, всхлест, охлест-бог* (см. Цветаева 1994–1995 II, 56–57). Сцепления слов и словосочетаний выполняют словообразующую функцию, отражая нерасчлененное восприятие автором описываемых явлений, показывая сцепление образов и понятий.

Таким образом, наиболее активно словотворчество проявляется в пограничных языковых сферах: на грани слова и морфемы, на грани разных частей речи, на грани слова и предложения. Ни одна из этих языковых единиц в условиях определенного контекста не остается тождественной себе. В поэтических текстах при помощи дефиса и тире предложение и словосочетание могут выступать в функции слова; служебные части речи либо переходят в знамена-

тельные, либо становятся частью нового слова; морфемы превращаются в самостоятельные слова, в результате чего могут функционировать в поэтическом тексте в функции эпитета; предложно-падежные сочетания оказываются способными превращаться в слово и выполнять в тексте номинативную функцию.

Источники

- Вознесенский А. Лирика. М., 2007.
 Левин А. Биомеханика. Стихотворения 1983–1995 гг. М., 1995.
 Лысов А. Косиножка (Новые стихи). Вильнюс, 2004.
 Ровнер А. Этажи Гадеса. М., 1992.
 Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. М., 1994–1995.

ЛИТЕРАТУРА

Берестнев Г. И. Слово, язык и за их пределами. Калининград, 2007.

Витгенштейн Л. Философские работы. М., 1994. Ч. 2.
 Гак В. О современной французской неологии // Новые словари и словари новых слов. Л., 1978. С. 37–52.

Гаспаров М. Л. Историческая поэтика: Итоги и перспективы. М., 1986.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М., 1979.

Сахарный Л. В. Словообразование в речевой деятельности (образование и функционирование производного слова в русском языке): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1980.

Туманян Э. Г. О природе языковых изменений // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 81–93.

Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. М., 2004.

Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

Поступила в редакцию 10.12.07.

Елена Юрьевна Муратова – кандидат филологических наук, докторант кафедры русского языка.